

30 ИЮЛ 1966

Т Р У Д
г. Москва

ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Заметки писателя о ленинской теме в литературе

ГОВОРЯ о литературе наших дней, мы чаще всего обращаемся к острым, ярким и недвояким произведениям о современности. Но неотъемлемы именно от сего дня книги о Ленине, о партии, об Октябре. Они современны в самом высоком и всеобъемлющем смысле этого слова, ибо эти книги — проповедники великих передовых идей времени.

Тема Владимира Ильича Ленина, его соратников, работа писателей над этими волнующими образами, над обликом солдата партии поднимает нашу поэзию, прозу, драматургию, ведет наше искусство в будущее. Работа над художественным образом бурного революционного времени, создание персонажей, являющих собой высокую человеческую, нравственную высоту, часто служит пониманию наших дней больше, чем иная сугубо «современная» книга о человеке 60-х годов, если последняя лишена глубокого понимания философии нашего стремительного и боевого времени.

Не удивителен сегодня повышенный интерес деятелей искусства к образу вождя партии, к главе первого в мире Советского государства. Мы идем к великому дню — к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича, к юбилею, который, разумеется, для нас не только праздник, но и смотр сил, смотр современного искусства Страны Советов. Об этом говорилось на проходившем не так давно заседании партийного актива творческой интеллигенции в Московском городском комитете Коммунистической партии. Речь шла о том, что «работники литературы и искусства горячо одобряют решения партии, видят свой долг в усилении борьбы против буржуазной идеологии». И в этом святом деле наше оружие — Ленин, его образ, с которым советский человек живет, борется и побеждает вот уже пятьдесят лет.

Ныне в среде творческой интеллигенции идут широкие, многомерные поиски решения темы истории партии и создания образа Ленина. Становится преобладающим метод психологический, стремление выразить в Ленине, наряду с глобальностью этой личности, человеческое, земное.

ОЧЕНЬ знакомый, родной и в то же время новый, «свой» Ильич в повести Эм. Казакевича «Синяя тетрадь». О ней много писали. Писали интересно и подробно, рассматривая логику размышлений и переживаний Ильича, спасавшегося от ищеек Керенского в последнем подполье. Была еще одна горькая дума у Ленина, ибо «самое трудное и страшное, — думал он, — это драться беспощадно не с врагами, а с близкими людьми, с единомышленниками... А не драться никак нельзя». Горькие, выстраданные эти слова относятся прежде всего к Зиновьеву, бывшему в шалаше рядом с Лениным.

Но как ни сгущаются тучи, как ни коварно зреющее рядом с ним, но неведомое еще ему предательство, — все же рассвет близок.

Вдумываясь в книгу Казакевича, отчетливо видишь, что ее большая популярность и значение в литературе объясняются не столько тем, какой факт биографии преобразен автором, сколько творческим методом писателя.

Художественная Лениниана явно шагнула вперед с этим произведением, которое воплотило в себе все лучшие традиции разработки образа Ленина в прежние годы и открыло новые пути решения дорогого всем образа.

Быть может, сами авторы последних книг о Ленине и не чувствуют субъективно влияние «Синей тетради», но очевидно, что художественные искания Казакевича не прошли даром ни для Афанасия Коптелова, автора романов «Великий зачин» и «Возгорится пламя», ни для Марии Прилежаевой и ее повестей «Удивительный год» и «Три недели покоя», ни для очерков Елизаветы Драбкиной «Черные сухари» и «Баллада о большевистском подполье», ни для других, принятых читателем, произведений Ленинианы.

Образ Ленина приковывает, волнует воображение, будит мысль художника и читателя. Роман о Ленине не может не быть интеллектуальным, ибо мысль — одно из первых слагаемых в изображении свойств личности Ильича. Именно таким интеллектуальным романом представляются мне и первая и вторая книги А. Коптелова. Им воссоздана атмосфера молодости исканий, молодости, пылкости убеждений Ленина, даже молодости его мудрости и пророчества.

ЕЩЕ одна важная черта новых книг о Ленине — их эмоциональность, корректная, сдержанная и в то же время широкая, как русские просторы, как наше огромное небо, как великая душа русского народа. К таким книгам я отнесла бы рассказы-воспоминания Софьи Виноградовой, душевные, мягкие, непритязательные рассказы ленинградца Леонида Радищева, тонкие миниатюры Виктора Тельпугова и ленинградца же Александра Попова. Сюда отнесу я книги и фильмы Зои Воскресенской, отдающей ленинской теме весь свой талант.

Помню, как взволновала меня случайно купленная и сразу же прочитанная книга Воскресенской «Сквозь ледяную мглу», образ Ильича. Тем более меня взволновавший, что почти в то же время в Турку, в Финляндии, я увидела памятную доску, поставленную здесь в честь пребывания Ленина в доме 15 на углу улицы Аурагант. Это отсюда ушел Ленин по ледяному бездорожью, спасаясь от царской полиции в 1907 году.

ИТАК, наше искусство все упорнее ищет пути для решения образа Ленина-человека. «Удивительный год» Марии Прилежаевой — о том же самое времени. Что и коптеловские романы. О Шушенском, Шуше, суровом и прекрасном времени, где было горе и радость попо-

лам. Где была неизвестность, ожидание, бесправие и гдете вырвала и окрепла любовь и семья, верная, преданная, неразлучная и единая в помыслах и чувствах. Об этой повести тоже уже написано немало. Я обращаюсь к новому произведению Прилежаевой, замыслившей как бы небольшой цикл компактных, маложанровых произведений о Ленине.

«Три недели покоя». Они настают, когда после Шушенского Ильич пробыл некоторое время во Пскове, а затем, перед отъездом за границу, с готовым паспортом и визой в кармане, он вместе с матерью и сестрой Анной едет вниз по Волге, чтобы провести относительно спокойные три недели в Уфе. Там отбывала ссылку Надежда Константиновна. И снова, как всегда раньше у Прилежаевой, перед нами — душа революционера, его горячее сердце, его любовь, его нежность, его верность. Иногда об этом сказано тезисно, что ли. Крупская знакомится с обездоленным юношей, Юлдашбаем, отец которого расстрелян богатыми. Надежда Константиновна понимает, что Юлдашбая зовет к борьбе его беда. Но тут же молодая революционерка — жена Ленина! — мысленно опровергает себя: «Но что это, как неверно я рассуждаю! Разве только несчастливые люди вступают на революционный путь? Я ведь вот счастлива. И подружки мои, Зина и Софья Невзоровы. И все мы жили так полно и ярко и вовсе не от бед пошли на борьбу».

Три недели покоя — относительное понятие. Покоя не было. Ленин его не искал. Его мозг работал непрерывно. Об этом главным образом и написана повесть. Но ведь он же живой человек, он молод, он едет к любимой, к жене, с которой их различает судьба подпольщиков. С удивительным искусством сочетать личное и общее Ильич отдает свое сердце одновременно и будущей партии, и «Искре», и своему личному чувству.

СОВСЕМ в другом ключе написана книга о периоде парижской эмиграции Ленина — «Маленькая железная дверь в стене» Валентина Катаева, весьма своеобразное лирическое повествование, где соединена любовь автора к Парижу и Неаполю со слегка остранным перемещением во времени, со стремлением художнически представить себе парижские и итальянские дни Ленина. Читатель с радостью пройдет вместе с автором от улицы Мари Роз, мимо Пантеона, Люксембургского дворца, Сорбонны, по бульвару и мосту Сен-Мишель, а затем — по правому берегу Сены — по центральным улицам, мимо площади Бастилии, Оперы, Национальной библиотеки. Этот путь проделывал Владимир Ильич на велосипеде. «И вдруг я испытал ощущение как бы внезапно остановившегося и повернувшегося вспять времени», — пишет Катаев, соединяя свои нынешние впечатления с тем, что сопровождало Ленина, ездившему ежедневно в Национальную библиотеку.

С моей точки зрения, с позиции человека, недавно проходившего по этому чудесному парижскому пути, описание его интересно, однако оно не более чем самый обычный туристический маршрут. Берет за сердце другое, когда Катаев испытывает сам и нас заставляет проникнуться чувством историзма, связывая замечательное выступление Ильича на похоронах Лафарга с прошедшими французскими революциями и заглядывая в будущее революционной России. На иных страницах мы видим напряженную, трудную, полную потерь и новых обретений жизнь Ильича в Париже. «Мокрый ветер бил в лицо, — пишет автор о Ленине, проходящем по мосту Александра III, — пролетая как время, которое невозможно остановить. Быть может, впервые Ленин задал себе простой человеческий вопрос: что ждет его впереди? Он задал себе этот вопрос, погрузился в размышления и — уже где-то в районе улицы Ванно, недалеко от монпарнасской церкви Нотр-Дам де Шан, сам себе очень просто ответил: революция».

Лирический дневник Катаева — фрагментарен, он походит на сценарий, это увлекательный литературный эксперимент, написанный искренне и взволнованно.

...За пределами статьи осталось, как видно, еще немало число книг о Ленине. Я не могла даже бегло сказать о пятитомной антологии о ленинцах, выпущенной Политиздатом, о книгах Арсения Рутько, Бориса Яковлева и многих других авторов.

Много еще нерешенных вопросов, возникающих в связи с великой темой. Решать их, быть может, те самые «века», которые «уж дорисуют, видно, недорисованный портрет». Но уповать на века нам совестно. И наше поколение писателей располагает немалыми силами. А между тем пока мало, очень мало книг о Ленине — первом Председателе Совнаркома первого в мире Советского государства рабочих и крестьян. Почему с удивительным упорством пишется во множестве книги о детстве Ленина, о его юности, в лучшем случае о таком тревожном и таком романтическом шушенском периоде героической жизни Ленина? А вот о схватках с противником, со злейшими врагами новой власти, — об этом написано непростительно мало. Всего лишь — очень популярная пьеса и сделанный в основном по ней фильм Михаила Шатрова «Шестое июля» и роман Саввы Дангулова «Дипломаты». Это произведения особого жанра; это — книги публицистические, политические, отлично совмещающие эти свои качества с художественностью.

Я попыталась показать, с чем идет наша литература к великому юбилею, с какой ответственностью относятся к писателю вдохновенной теме, как влияла эта тема на самих художников и самое главное — как неисчерпаема тема Ленина, как еще много предстоит нам сделать.

Лидия ФОМЕНКО.